

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ?

Ответ «Литературной газете»

«Литературная Россия» опубликовала 6 сентября письмо из казахской писательской организации «Поиски нового». Его автор профессор Е. Исмаилов рассказывает русским читателям о литературной жизни Казахстана.

С критикой статьи Е. Исмаилова выступили 5 октября на страницах «Литературной газеты» литераторы Тахави Ахтанов, Альжаппар Абишев и Сагингали Сеитов. Их статья называлась «Поиски», запутывающие читателя.

В поддержку позиции Е. Исмаилова редакция «Литературной России» получила новое письмо из Казахстана. Мы публикуем его в качестве ответа «Литературной газете».

ИСТИНА рождается в споре. И сам факт полемического выступления трех писателей Казахстана на страницах «Литературной газеты» по поводу статьи профессора Е. Исмаилова можно было бы только приветствовать, но при одном обязательном условии: и в литературных спорах необходимо соблюдать нормы поведения и уважения друг к другу, воздерживаться от голословных обвинений, не допускать крикливости.

К сожалению, статья, опубликованная в «Литературной газете», далека от этих минимальных требований. Стоит только посмотреть на ее, так сказать, словесный арсенал. Бесславной знакомой дубинкой дохнуло от таких выражений: «вносят путаницу», «мешают», «нет научной добросовестности», «остатки групповых и индивидуальных «пристрастий», «извращение факта», «нечетко и неясно информируют» и т. д.

Перечитывая эту статью, полную желчи, и невольно задаешь себе тревожный вопрос: «А что случилось в самом деле? Неужели произошло что-то из ряда вон выходящее, чтобы создавать такую шумиху?»

В своей статье в «Литературной России» профессор Е. Исмаилов писал о революционной традиции казахской советской литературы, в частности особо подчеркивал роль Сакена Сейфулина как выдающегося поэта революции, как зачинателя казахской советской литературы, и о том, какими путями шла казахская литература в освоении метода социалистического реализма, о новых литературных процессах и об интересных своеобразных именах в современной казахской литературе.

Ничего предосудительного мы не нашли в этой статье, написанной спокойной, в доброжелательном тоне, изобилующей фактическими материалами и интересными выводами. Так в чем же дело?

Как это ни удивительно, авторов статьи в «Литературной газете» возмутила фраза о том, что «в послевоенные годы появляются такие имена, как М. Ауэзов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин, А. Тажибаев и другие». Согласимся, что Е. Исмаиловым здесь допущена по форме некоторая неточность, имеющая характер ошибки. Однако только нарочитая придирчивость могла вызвать по поводу этой фразы полемику. Ведь из всего контекста абсолютно ясно, что речь идет в статье о всесоюзном признании перечисленных писателей, а не о том, когда начал писать тот или иной литератор, когда вышла первая его книга. Здесь подразумевалось становление таланта по большому счету, выходящему за рамки своей республики, и утверждение этого таланта в общесоюзном литературном движении.

Хорошо известно, что писательские судьбы складываются по-разному и не каждый художник сразу получает признание.

Сложна и отнюдь непрямолинейна и судьба Мухтара Ауэзова. Он свою знаменитую эпопею «Путь Абая» создал между сороковыми и пятидесятыми годами; до этого казахская литературная общественность знала его преимущественно как драматурга. Его повесть «Кара-Кара», на которую ссылаются авторы статьи, написана в двадцатых годах. После первого издания она подверглась серьезной переработке и вышла на казахском и русском языках только в самое недавнее время.

До середины сороковых годов, то есть до опубликования «Абая», Мухтар Ауэзов еще не получил настоящего широкого признания, не назывался выдающимся советским писателем, не был известен за рубежом нашей страны. Он занял свое заслуженное место позже.

Многое сделал для советской литературы и Габит Мусрепов. Но до «Солдата из Казахстана» и «Пробужденного края», которые вышли в пос-

левоенные годы, он был известен только как новеллист и как драматург, а ссылка на его повесть «В пучине» несостоятельна. Повесть была издана в конце двадцатых годов и, представляя первое произведение автора, не претендовала на совершенство.

Габиден Мустафин до войны вообще не был известен как писатель даже в пределах своей республики. Выпустив в свет сборник рассказов «Ер Шойын» в 1929 году, Мустафин ушел с литературной арены и долгие годы занимался журналистикой в Западной Сибири. Он приобрел крупную известность после «Шиганака» и «Миллионера», изданных на казахском и русском языках в послевоенные годы.

И не случайно в «Очерках истории казахской советской литературы», выпущенных в 1960 году в Москве под редакцией М. Ауэзова, С. Муканова, З. Недриной, Е. Исмаилова и других, писатели М. Ауэзов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин даны в разделе **послевоенной литературы**.

Профессор Е. Исмаилов совершенно прав, когда рассматривает явления казахской современной литературы в неразрывной связи со всей советской литературой.

Литературная критика не может быть автономной. Между тем именно с литературной критикой у нас в Казахстане не все обстоит благополучно. И тем бездоказательнее выглядят нападки на выступление Е. Исмаилова в «Литературной России».

Это неблагоприятное с критикой в Казахстане особенно проявляется на страницах журнала «Жулдыз». Здесь нетрудно обнаружить тенденцию противопоставить опытным критикам-литературоведам республики, в том числе Е. Исмаилову, критиков, заявивших о себе в последнее время. Беда состоит не в том, что они молоды. Беда в том, что некоторые молодые критики оторваны от жизни, что рассуждения их носят часто отвлеченный характер: в их статьях редко встретишь анализ произведения в связи с современной жизнью.

В республике известно, что редакция журнала «Жулдыз» не раз подвергалась резкой критике на страницах партийной печати за серьезные идейные ошибки («Казахстанская правда» от 5 и 7 июля 1963 года, «Социалистический Казахстан» от 18 и 28 июня, «Казах Эдбети» от 14 июня, журнал «Казахстан коммуниста», № 8, и сатирический журнал «Шмель», № 8 за 1963 год). В статьях этих печатных органов указывалось, что редакция журнала «Жулдыз» заняла позицию противопоставления молодого поколения старшему. В те самые дни, когда партия призывала активнее показывать положительного героя в современной литературе и еще раз указала на необходимость теснейшей связи литературы с жизнью народа, А. Сулейменов и другие молодые критики выступали со статьями, где дискутировалась весьма сомнительной важности проблема: от какого лица выгодно писать — от первого или третьего? И на протяжении почти целого печатного листа велись схоластические рассуждения о том, от первого ли лица писал Гомер.

Спрашивается, читают ли члены редакционной коллегии «Жулдыза» то, что попадает на его страницы? Впрочем, напомним, что сам А. Сулейменов ведет в этом же журнале отдел критики. Нам непонятно и другое: как могла забыть «Литературная газета», предоставляя трибуну для защиты А. Сулейменова от критических замечаний Е. Исмаилова, о том, что всего около года тому назад в статье Т. Аликулова «Только нарицательные цветы боятся дождя» она сама подвергла критике А. Сулейменова за формалистические трюки? В чем же дело? Где логика?

Формалистические ошибки А. Сулейменова критиковал в журнале «Казахстан коммуниста» (№ 8 за 1963 г.) писатель Сабит Муканов.

Об ошибках журнала «Жулдыз» говорилось и на последнем пленуме ЦК

Компартии Казахстана, что отражено в отчете на страницах газеты «Казахстанская правда» от 13 августа 1963 г.

И не странно ли, что руководящие товарищи из Союза писателей Т. Ахтанов, А. Абишев и С. Сеитов выступают в защиту ошибочной позиции журнала «Жулдыз»?

Нас крайне удивляет и позиция товарищей Ахтанова, Абишева и Сеитова в отношении «завышенной» якобы Е. Исмаиловым оценки произведений писателей М. Каратаева, З. Шашкина и А. Тажибаева. Да и что это за выражение «завышенная оценка»? Как будто речь идет об отметках учащимся. По нашему мнению, каждый критик волен и вправе так или иначе оценить произведение того или иного писателя. Е. Исмаилов написал о романе «Темиртау» З. Шашкина всего-навсего один абзац. Он сказал, что роман «интересен прежде всего тем, что трудовой героизм рабочих и инженеров первой Казахской Магнитки воспроизводится автором через душевные преломления героев». Спрашивается: где же тут завышенная оценка?

Нам всем известно предсмертное письмо М. Ауэзова об этом романе. Ауэзов писал, что роман ему понравился, что в нем показаны сегодняшние люди с их поступками, характерами, языком, с их стремлением вперед. В книге их сразу замечаешь, узнаешь, что «это люди производства, творческого производства», что в книге показано «новое поколение, уверенное несущее национальный дух обновленного казахского народа» (журнал «Дружба народов», № 8 за 1961 год).

О романе «Темиртау» как о положительном явлении в казахской литературе говорилось на съезде Коммунистической партии Казахстана в отчетном докладе. Пьеса А. Тажибаева «Портреты», которая напечатана в журнале «Театр», № 7 за 1963 год, и премьера которой была осуществлена в эти дни в Академическом казахском театре, тоже тепло встречена зрителями и театральной общественностью.

Почему же понадобилось авторам статьи в «Литературной газете» называть белое черным, а черное белым?

Обвиняя Е. Исмаилова в «групповых и индивидуальных «пристрастиях», авторы статьи сами оказались в плену этих «пристрастий» и «групповых интересов». Как иначе понять, к примеру, странное обвинение Е. Исмаилова в том, что в его статье «оказались вне поля зрения» романы Мустафина?

Разве Е. Исмаилов замалчивает творчество Мустафина и не отдает дань его литературным заслугам? Давайте обратимся к тексту статьи в «Литературной России». Е. Исмаилов писал: «В таких крупных произведениях, как, например, первая казахская эпопея «Путь Абая» М. Ауэзова, «Ботогоз» С. Муканова, «Пробужденный край» Г. Мусрепова, «Шиганак» Г. Мустафина, авторы сумели ярко показать ломку старых и утверждение новых общественных отношений в степи... Воспринимая лучшие образцы художественного опыта в русской классической и советской литературе, упомянутые писатели выступили подлинными новаторами, открыв новую страницу в истории национального художественного развития и одновременно являясь историками, наметившими своими произведениями основные вехи в развитии своего народа, как в прошлом, так и на современном этапе» (Подчеркнуто нами. — Б. К., М. Х.). Разве такая характеристика дает право авторам сделать вывод, что творчество Мустафина обойдено?

Ничем не заслуженное обвинение Е. Исмаилова заставляет нас в данном случае настояться. Ведь именно подобные приемы критики служат опасному делу разжигания нездоровых страстей. Кого-то не назвали, кого-то не похвалили, и в результате — на тебе! — такая амбиция: «Поиски», запутывающие читателя». Ни больше, ни меньше!

Нам думается, что выступления такого рода в печати способны лишь поддерживать нездоровые тенденции, ведущие к распрям и отвлекающие писателей от их серьезных творческих задач.

Б. КЕНЖЕБАЕВ,
доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой казахской литературы КазГУ,
М. ХАМРАЕВ,
кандидат филологических наук